

Глава 3

Панин Хутор

Продолжение. Начало в №№ 1, 2

Детские впечатления чересчур драматизированы «неукротимым беллетризатором», Лесков переживает, «давит на жалость» — без сомнения, из самых благородных побуждений, желая привлечь читательское сочувствие к горестной участи «жидов» и их детишек. Эта первая встреча с «гонимыми» глубоко врезалась ему в память и в сердце. Обретя мощь общественного голоса, он без промедления выступил на защиту всех, кто нуждался в ней: раскольников, молокан, якутов, и, конечно, людей Моисеева закона. Особым светом сострадания в этой толпе, безусловно, высвечивается в творчестве великого русского писателя фигура «интролигатора», покрывающегося «кровавым потом» в страхе за судьбу вероломно взятого в кантонисты единствен-

ного малолетнего сына¹. Глубину доброты одного из самых своих любимых героев — Голована — Лесков измерил, в частности, тем, что тот «даже жиду Юшке из гарнизона давал для детей молока». Впоследствии автор «Владычного суда», «Жидовской кувырколлегии» и «Ракушанского меламеда» не избежал обвинений в антисемитизме, «довольно, впрочем, темных и смутных как по причине их абсурдности, так и потому, что подобные обвинения бывает унизительно опровергать», — замечает Л. Анненский. Тема эта нами будет поднята позже, пока же ясно одно: Лесков всегда был не на стороне русских, евреев, малороссов, немцев, чухонцев или народов Севера, он всегда — на стороне страдающих и нуждающихся в защите, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Однако самыми тяжелыми переживаниями панинского периода, оказавшими глубочайшее влияние на судьбу Лескова, были последствия роковых перемен в характерах его родителей.

Особенно переменялся отец. Семён Дмитриевич после потери «доходного места» и отставки опустил руки, чудил да читал древних римлян. Денег он добыть не умел, и хотя «ходил по полям», распевая: «Помощник и покровитель» и «Волною морскою», да приглядывал за садом и мельницей, хозяин из него был никакой, потому как душа у него к деревенскому укладу не лежала. «Он был человек умный, — оправдывал батюшку Лесков, — и ему нужна была живая, умственная жизнь, а не маленькое одностороннее хозяйство, в котором не к чему было приложить рук». Много лет спустя после смерти отца Лесков, горячо отговаривая П. К. Щебальского от намерения бросить литературную работу и заняться виноградарством в Крыму (тогда мода на такие «первертоны» чрезвычайно распространилась, особенно среди последователей учения Толстого), писал: «Отец мой был близок к Рылееву и Бестужеву, попал на Кавказ, потом приехал в Орел,

¹ Лесков. Н. С. «Владычный суд» Собр. соч. в 11 т. Государственное издательство художественной литературы, 1957.

женился и, при его невероятной наблюдательности и проницательности, прослыл таким уголовным следователем, что его какие-то сверхъестественные способности прозорливости дали ему почет, уважение и все, что вы хотите, кроме денег, которыми его позабыли. Он рассердился, забредил, подобно вам, полями и огородами, купил хутор и пошел гряды копать, но... неурожаи, дрязги мужичьи, грозы, падежи и прочие прелести, о которых мы забываем, предаваясь буколическим мечтаниям, так его выгладдили, что из него в пять лет вышла дрязга, а потом он и умер, оставив кипы бумаг, состоявших из его переводов Квинта Горация Флакка и Ювенала, деланных им в те годы, когда матери нечем было ни платить за нас в училище, ни обувать наши ножонки (буквально)». Андрей Николаевич к словам отца присоединил ироническую реплику, с маху обрушив образ «высокоидейного» деда с небес на землю: «Близость Семёна Дмитриевича с Рылевым и Бестужевым известными материалами и сторонними свидетельствами или семейными памятьми оставляется без подтверждения».

Семён Дмитриевич «потерялся», чувствовал себя «прочно забытым», не зная, куда себя приложить. Он даже пошел «на малодушные уступки общеизвестным слабостям человеческим»: «У Ададуриных “пили”, а мой отец и Илья Кривцов “чудили”. Оба были люди очень умные, жили анахоретами и изнывали в тоске. Илья Иванович, впрочем, тоже, случалось, пил, но только solo, а отец мой все читал книги и хандрил». Такие вот деревенские развлечения. Сын беднягу жалел, внук осуждал: «Еще через два десятка лет, в основе на ту же тему, отец пишет мне из Арнсбурга на Украину, где я проводил летние вакации: “Влечение твое к деревне, и особенно к малороссийской деревне, — вполне разделяю. Это была мечта всей моей жизни, для меня, однако, не удавшаяся, но не знаю — полезна ли была бы деревня для наших характеров и натур, склонных к сосредоточенности и мизантропии. Дед твой, на которого похожи нравом я и ты во всех основных чертах, кроме видоизменений в духе времени и окружающих условий, был на счету людей высокого и светлого ума, пока кипел в житейском котле непрерывных столкновений, а уединясь в деревне — опустился и заглох”». «Опустился и заглох» Семён Дмитриевич на удивление быстро.

Склад характера тому весьма способствовал: и в благополучные-то орловские времена он легко, с примесью мазохизма, поддавался приступам мизантропии и ипохондрии. Результатом одного из них явилось манифестное «завещание в риторически-высоком штиле». Семён Дмитриевич, подхватив какое-то «явно незначительное», по мнению Андрея Николаевича, недомогание, «почуял свою последнюю минуту» и обратился к пятилетнему первенцу с прямо-таки предсмертными наставлениями:

«Любезный мой сын и друг! Николай Семёнович!

В дополнение завещания моего, оставленного твоей матери, достойной всякого уважения по личным ее мне более известным преимуществам, оставляя сей суетный свет, я рассудил впоследствии побеседовать с тобою как с таким существом, которое в настоящие минуты более прочих занимало мои помышления. Итак, выслушай меня и, что скажу, исполни: 1-е. Ни для чего в свете не изменяй вере отцов твоих. 2-е. Уважай от всей души твою мать до ее гроба. 3-е. Люби вообще всех твоих ближних, никем не пренебрегай, не издевайся. 4-е. Ни к чему исключительно не будь пристрастен; ибо всякое пристрастие доводит до ослепления, в особенности ж к вину и к картам; нет в мире зол заманчивей и пагубнее их. Я просил бы, чтоб ты вовсе их не касался. 5-е. Вообще советую тебе избирать знакомых и друзей, равных тебе по званию и состоянию, с хорошим только воспитанием. 6-е. По службе будь ревностен, но не до безрассудства, всегда сохраняя здоровье, чтобы к старости не быть калекою. 7-е. Более всего будь честным человеком, не превозносись в благоприятных и не упадай в противных обстоятельствах. 8-е. Между 25 и 35 годами твоего возраста советую тебе искать для себя подруги, в выборе которой наблюдай осторожность, ибо от нее зависит все твое благополучие. Ни ранее, ни позднее сих лет я не желал бы тебе вступать в супружеские связи. 9-е. Уважай деньги как средство, в нынешнем особенно веке открывающее пути к счастью; но для приобретения их не употребляй мер унижительных, бесславных. 10-е. Будь признателен ко всем твоим благодетелям. Черта сия сколько похвальна, столько ж и полезна. 11-е. Уважай девушек, дабы и сестра твоя не подверглась иногда какому ни есть нареканию. 12-е. Кстати о сестре, она тебя моложе пятью годами. Когда будешь в возрасте,

замени ей отца, будь ей руководителем и заступником. Нет жалчее существа, как в сиротстве девица, заметь это и поддержи последнюю мою о ней к тебе просьбу, ты утетишь тем меня даже за могилою. 13-е. Преимущественно хотелось бы мне, чтоб ты шел путем гражданской службы, военная по тягости своей и по слабости твоего сложения скорее может тебя погубить.

Я хотел бы излить в тебя всю мою душу, но довольно, моя минута приближается. Остальное предпишет тебе твоя мать и собственное твое благоразумие. Рука моя слабеет. Прощай, прощай, мой бесценный, мой единственный сын! Бог тебе на помощь!

Отец твой Семён Лесков.

г. Орел, 1836 года»².

Других учить легко: не пей, не играй в карты, люби мать, «не превозносись в благоприятных и не упадай в противных обстоятельствах», уважай деньги, помогай слабым!

А сам-то? «Опустился и заглох».

Да разве ж за такого человека выходила Марья Петровна?!

История ее замужества, на первый взгляд, незамысловата. После того как в 1812 году на Алферьевых обрушилась нужда, Маша старалась помочь семейству как могла: вела хозяйство, шила, занималась рукоделием. Но лучшее, что она могла сделать для облегчения участи Александры Васильевны и Петра Сергеевича — это выйти замуж. Мария Алферьева не была красавицей, зато у нее, как считал Николай Семёнович, «имелась цветущая юность с сопровождающей ее часто миловидностью». По фотографии этого не скажешь: на фоне Марии младшая Наталья и впрямь смотрится красавицей. Но даже если цветущая юность и миловидность имели место, для замужества позарез была нужна еще одна, самая важная комплектующая — приданое. У Маши Алферьевой в приданом числились шесть подушек, две перины, ящик для рукоделия, обеденный сервиз на двенадцать персон, несколько платьев, подаренных сестрицей Натальей, кой-какое бельишко да крепостная девушка Аннушка.

²Письмо к А. Н. Лескову от 21 июня 1888 г. Архив А. Н. Лескова.

Бесприданницы котировались невысоко. Женихи, считавшие себя «хорошей партией», воротили нос от невест, не имеющих увесистого денежного бонуса к милоте и молодости. Две сестры Марии Петровны к тому времени были уже выданы — одна за богатого, другая за любимого. Положение незамужней девушки, сидящей на шее у родителей, которые и сами-то приткнулись «в приймах» у состоятельного, но «полупомешанного» зятя-«благодетеля», было несладким. Так что когда к Маше посватался «не совсем неимущий и небесчиновный уже Лесков», Алферьевы должны были обрадоваться и всей семьей дружно ответить: «Да!» Они и ответили, но порадовал ли их ответ следователя орловской уголовной палаты?

В молодости Маша Алферьева, по уверению сына-писателя, была романтичной и сентиментальной. Рожденная 18 февраля 1813 года, она получила воспитание не в духе времени. После войны с Наполеоном симпатии к французам пошатнулись даже в высшем обществе, в моду вошел стиль а ля рюс, но Машу воспитали по довоенному дворянскому раскладу: она говорила по-французски («Ну, пошла парлекать!» — порой шутил ее муж, «дремучий семинарист»), играла на рояле, приятно удивляла хорошими манерами; умела непринужденно вести легкую светскую беседу, вставляя к месту острое русское словцо или меткое бонмо на французском языке. И, как всякая юная девица, пока реальность не явила себя во всей жестокости, обожала — или делала вид, что обожает — «неземные прозрения», «тонкие движения души», «знаки свыше», вследствие чего порой «возвышала» не к месту отдельные события повседневной жизни. Марья Петровна ухитрялась сохранять девичьи навыки даже в первые годы замужества. Когда сестрица прислала ей переписанные от руки лермонтовские строки про «душу младую» в объятиях Ангела, «матушка, читая эти стихи, целовала меня, и в одно и то же время и улыбалась, и плакала, — писал Лесков, отождествляя мать с героиней незаконченного романа³. —

³ Н. С. Лесков. «Убежище. Роман. Из записок Пересветова». Архив ЦГЛА.

Она чувствовала себя счастливой, что Ангел принес мне хорошую душу, и плакала об ожидающей меня участи. Несправедливо было бы приписывать все это одной ее нервности. Молодые женщины нашего дворянского круга тогда в самом деле были склонны к поэзии и очень легко поддавались ее влиянию».

У Марии Алферьевой была «*idée fixe*» — она чрезвычайно гордилась своим «аристократическим происхождением». Это могло стать препоной к ее браку с чиновником Семёном Лесковым. Мария Петровна с таким жаром убеждала окружающих в своем аристократическом происхождении, что ее старший сын лет до двадцати и сам производил себя в разных справках «из орловских дворян», а однажды даже заказал железную печатку с вырезанными на ней крестом, якорем, саблей, латинским «N» и русским «Л» по сторонам дворянской короны. Шелуха эта быстро слетела, у Николая Семёновича Лескова с годами и в этой области возобладал демократизм и скепсис. Недавний носитель якоря и сабли из комплекта юного мечтателя — к морю и к войне ни Лесков, ни его предки никакого отношения не имели — взялся довольно зло вышучивать «стремление к повышению своей родовитости» тех, кто «сочиняет себе небывалые роды». Он называл свое дворянство «молодым», «колокольным», «незначительным», как в письме М. О. Меньшикову от 10 июня 1893 года: «У нас с вами, оказывается, одинаковое происхождение по линии плотского родства (попы и дворянская захудаль)». Собственное семейство Николай Семёнович крепко приложил в сатирической «заметке о родовых прозвищах» «Геральдический туман», беспощадно развенчав мнимую древность алферьевского корня⁴.

⁴ По итогам статистического анализа состояния орловского дворянства конца XIX в. численность дворянских семейств, уходящих своими корнями в XVI-XVII столетия, составляла всего 37,8%. Эта группа определялась как «коренное» дворянство. В XVIII — первой половине XIX вв. дворянское сословие губернии пополнилось за счет приезжих дворянских семейств, их количество составило 13,9%. Все остальные дворянские фамилии (48,3%) появились в регионе значительно позже.

«Как на анекдот в этом роде, — писал он, — укажу на довольно распространенную в России фамилию, звук которой таков, что все слышат в ней нерусское происхождение и даже прямо чувствуют в ней происхождение итальянское. Эта фамилия, о которой я говорю, есть Алферьевы. Их очень много везде, и в Петербурге, и в Москве, и в Орле, и в Киеве. Были из Алферьевых писатели, поэты, профессора, генералы, но больше всего чиновники и мелкопоместные. Канцелярия старого московского сената считала одно время у себя «целое племя» Алферьевых, хотя некоторые из тех Алферьевых были между собою не родня, а только однофамильцы. Было по Москве много еще и других Алферьевых, и все они были не старые родовитые дворяне, а из чиновников и отчасти из “колокольных дворян”, то есть из духовенства. Некоторые из Алферьевых, разумеется, получили “дворянское достоинство” по “асессорскому чину”, но старого, “родового дворянства”, или особенно дворянства “не по грамоте”, в родах Алферьевских нет. Между линиями же Алферьевых один московский отводок отличался образованностью и другими хорошими качествами, и тут были усвоены уже некоторые приемы родовитой знати. Эти Алферьевы (тоже не дворяне) были по мужской линии Сергей и Иваны, а по изотчеству Ивановичи и Сергеевичи, а женщины Анастасии и Елисафепы (так: Елисафепы — *Н. Л.*) Один из них, Василий Сергеевич, печатавший стихи и посвящавший их своей “Гурлиньке”, слыл даже за очень ученого, каковым, впрочем, кажется, не был. Он был чиновник какого-то московского отделения и по русской привычке свое дело считал за неинтересное, а любил заниматься тем, что до него не касалось. Так, например, он, кроме поэзии, любил геральдику и сам был немножко похож на геральдического льва, но женат был на своей служанке. Он “выводил роды” сам или, кажется, при посредстве какого-то московского сих дел мастера. Тогда было сильное геральдическое поветрие, и “выводить родословные” составляло занятие очень благородное и прибыльное». Этот «ученый чиновник» из «пустоплясов, елозящих перстом по герольду», так все ловко провернул, что оказалось: род Алферьевых происходит от знаменитого итальянца

Альфиери⁵. «Моя матушка происходила из этого рода Алферьевых, и мы с детства привыкли знать, что “Алферьевы итальянского происхождения”. И это всем показалось так вероятно и так очевидно, что всяк этому верил и многие посейчас еще верят. О дяде моем, недавно скончавшемся профессоре Киевского университета С. П. Алферьеве, который был смолоду недурен собою, так и говорили, что в нем “видна тонкая итальянская порода”. (А он имел мелкие черты ярославского типа). И везде, где я ни встречал Алферьевых благородного звания, все они охотно сказывались “от Альфиери”, хотя все они между собою не родня и пришли от небытия на свете в различных местах общероссийского рассеяния. Моих московских дедов: Петра Сергеевича, Ивана Сергеевича и ученого Василья Сергеевича иногородные Алферьевы и слыхом не слыхали... Как так повсеместно размножился в России италианец Альфиери, словно еврейский Коген, что и не счесть его потомков?.. Долго я этого понять не мог, но случилось мне раз в уездном городке Пензенской губернии, по названию Городище, встретить на оконной ставне надпись: “портновó-Алферьев”, и тут я получил вразумление. Сначала я был смущен, за что потомки Альфиери посланы в такую далекую глушь и стали здесь так низко, но дело разъяснилось совсем не так. Я думал, что на ставне двойная фамилия (есть ведь тоже фамилия Портнов и есть тоже некто из этой фамилии, тоже производящий себя из иноземцев и подписывающийся “Портново”, или даже “Портнуво”). Но оказалось, что “портновó” — это просто значит портной, а фамилия тому портному действительно Алферьев.

Я полюбопытствовал узнать, откуда он происходит, а “портновó” отвечает:

⁵Витторио Альфьери, граф ди Кортемилья (16.01.1749–08.05.1803) — уроженец Пьемонта, автор многих острых пьес, мемуаров, а также сборника эпиграмм «Ненавистник французов», направленного против французского революционного террора. Воспевал «свободу народа», ненавидел тиранов. Приветствовал американскую революцию 1776 года трагедией «Брут I».

— Откуда же может быть наше происхождение, как не просто из мужиков: господа нас от сохи брали и отдавали в город в ученье — вот и все наше происхождение.

— А в деревне у вас, — спрашиваю, — разве тоже есть Алферьевы?

— Как же, — отвечает, — наш весь двор все Алферьевы.

— Кто же вас так прозвал?

— Да как же нас иначе прозывать? Это так шло по закону.

Что еще, думаю, за закон!

— Расскажите, — говорю, — мне, благодетель, меня это занимает. Я вам работу буду давать.

— Очень, — говорит, — благодарен, а что вас занимает — не понимаю.

— Да вот скажите вы мне, вы коренной русский?

— Уж чего русее быть нельзя.

И в самом деле, лицо у него даже будто не лицо, а скорее, что называется, “рожество твое”.

— Так как же, — говорю, — вам, чистым русским, деревенским людям могло прилипнуть такое чужеземное прозвище?

“Портново́” удивился.

— Помилуйте, какое же, — говорит, — у меня чужеземное прозвище?

— Ваша фамилия — Алферьев?

— Алферьев. Мне другой фамилии и быть не могло; у меня фамилия от родителя.

— Да родителю-то вашему кто ее дал?

— Поп дал.

— Как так поп? Попы крестные имена нарекают, а не фамилии.

— Да ведь это все от одного и есть! Стал поп крестить и нарек Алфер. Как отец с дядей разделились, наш двор и стали “Алферьев двор” звать.

— Позвольте, — говорю, — да разве есть имя Алфер?

— Как же! Дядю звали Вукол — от него пошли Вуколовы, а от нашего отца, от Алфера, стали Алферьевы.

— И что же... ваш отец... именинник бывал на Алфера и причащался с этим именем?

— Как же! Именинник бывал четвертого августа, за день до Преображения, и причащался Алфером на свое имя.

“Батюшки! Сватушки! — думаю. — Выносите святые угодники!” За всех Алферьевых мне теперь вдруг стало больно и неловко. А что же значат все ученые изыскания моего геральдического деда?.. Мужик Алфер так словно и проглотил итальянца Альфиери, да и размножиться ему по Руси было способнее, чем у себя дома...»

«Кумедная» сия история почти слово в слово изложена и в рассказе «Штопальщик»; только там обыграна другая фамилия — Лапутин, переименованная «на французский манер» — Ла Пути́н, но и «портново» пришлось к делу: профессия главного персонажа — портной.

Продолжение следует.